

— Очередной мой выезд в Москву-Ленинград - с 15-го по 28-е марта (я проводил теперь в командировках чуть ли не каждую вторую половину месяца). Приехал в ИЗМИРАН - с Цедилиной никаких изменений. Она, правда, теперь не в больнице, а где-то в санатории, но тревожить её нельзя. Тем не менее Лобачевский решил, что с меня уже мытарств достаточно и выпустил на секцию - повторно! - с тем, что есть.

— На секции был Осипов, сидел рядом с Марсом. Лобачевский предоставил мне слово, чтобы я рассказал, где выступал, какие отзывы заполучил, что в диссертации переделал. Я и рассказал коротко, что собираюсь защищаться в Ленинграде по просьбе Пудовкина, что выступал в ФИАНе у Гуревича, в ЛГУ - в лаборатории Пудовкина и на кафедре физики Земли, в ПГИ - в Апатитах и Мурманске. Отзывы есть из ЛГУ и ПГИ за подписями Молочнова, Брюнелли и Мизуна. Гуревич обещал отзыв от них дать через Цедилину, но она больна до сих пор. В диссертации я переделал введение и заключение в соответствии с рекомендациями Беньковой, Фаткуллина и Лобачевского.

— Осипов попросил меня сформулировать ещё раз основные положения, выносимые на защиту. Я ответил ему. Других вопросов не было. Наконец Марс не выдержал:

— А где внутренний измирановский отзыв?

— За меня ответил Лобачевский:

— Мы вполне можем довериться мнению уважаемых и компетентных специалистов из других учреждений.

— Это нарушение процедуры, - завопил Марс. - Брюнелли и Намгаладзе имели совместные работы, это несерьёзно!

— Лобачевский хладнокровно пресёк его выпады.

— Товарищи! Мне кажется, мы уже достаточно разобрались с этой работой. Пора голосовать. Я предлагаю рекомендовать диссертацию к защите в специализированном Учёном Совете ЛГУ. Кто за это предложение? Кто против? Один. Воздержавшихся? Нет. Принято большинством голосов.

— Марс вскочил.

— Что же, придётся обращаться в Совет ЛГУ и в ВАК!

— И зря, Марс Нургалиевич, - как можно внушительнее сказал Лобачевский. - Не советую Вам этого делать.

В тот же день вечером в измирановской гостинице я встретился с Осиповым и остановил его, чтобы поговорить о Бобарыкине, но Осипов отмахнулся:

- Да хрен с ним, так ему и надо, пусть переделывает. Я ему говорил: - не спеши, Коля, ты не готов ещё. Он не послушался и нарвался. Покажи-ка мне лучше свою диссертацию.

- Пойдём.

Я привёл его к себе в номер, дал диссертацию. Осипов первым делом полез в список литературы.

- Ага, Кнудсен есть, Воткинса нету, Можяев есть, - бормотал он. - Ну, ладно, - захлопнул он мой труд. - Ты скажи, что вы с Марсом не поделили?

- Это ты у него спроси.

- Пижон ты, Намгаладзе. Выпендриваешься. За что тебя Валерий Михайлович поддерживает? Я вот никак не могу решить - поддержать тебя или против выступить?

- Как знаешь.

- Ну, ладно, пойдём выпьем, а потом поговорим.

В этот раз Осипова сопровождали Юра Березин - алкоголик из ИЗМИРАНа, из отдела Фаткуллина, и Надя Максимова, из Красноярска, с которой мы так хорошо пели в Тбилиси. Они уже стол накрыли и в стаканы разлили. Я понял, что разговора никакого путного теперь уже не получится. Так оно и вышло. Осипов пьянел быстро и вскоре лыка

уже не вязал.

— - Смотри, Сашка, - грозил он мне на прощание пальцем. - Не выпендривайся. Убью!

— Весь следующий день я составлял по стандартным образцам развёрнутое решение секции, так называемое представление организации, в которой выполнена работа. Подписали его Лобачевский и Всехсвятская, а утвердил сверху Мигулин. Собрал подписи на характеристику - Мигулина, секретаря парткома и председателя месткома. Заверил у Коломийцева список научных трудов, подписал у Мигулина ходатайство от ИЗМИРАН в спецсовет ЛГУ. С этими документами ИЗМИРАН отпускал меня защищаться в Ленинград.

— Я поехал сразу в Петергоф к Лариске и остановился у неё. В качестве презента я привёз с собой вяленую плотву, которая очень понравилась Лариске в Сочи. Но Анка и Антон оказались куда более заядлыми поклонниками вяленой рыбы. Я просто поражался их способности грызть её, пока вся не кончится, и безо всякого пива. Потом, конечно, водой опивались. Иринка у нас тоже любительница вяленой рыбки, но с этими не сравнится. Я был рад, что угодил гостинцем. Чем ещё мне было расплатиться за Ларискино гостеприимство? И главное - оправдывались мои рыбачьи старания!

— Основной моей задачей в Ленинграде теперь было - представить диссертацию в Совет. Специализированный докторский совет по двум специальностям "геофизика" и "радиофизика" возглавлял Глеб Иванович Макаров, завкафедрой радиофизики, бывший одно время даже ректором ЛГУ, председательствовавший и на том учёном совете, когда я защищал свою кандидатскую диссертацию. Заместителем его теперь являлся зав нашей кафедрой - физики Земли - Георгий Васильевич Молочнов, которого в своё время Макаров так третировал на предзащите его докторской, и который после этого уже успел побывать директором НИФИ. А бессменным учёным секретарём совета был тощий, высокий Валентин Владимирович Новиков, давний сподвижник Макарова, сам почему-то до сих пор докторскую не защитивший.

— Вот этому Новикову я и должен был сдать диссертацию и документы, а тот должен представить их Совету, который должен решить, по какой кафедре следует проходить моей диссертации, и поручить члену Совета с этой кафедры провести рассмотрение работы на кафедре на предмет возможности рекомендовать её к защите в настоящем Совете. При наличии такой рекомендации Совет и принимает диссертацию к защите. Эта рекомендация (решение кафедры) у меня уже была получена в обход начальной стадии процедуры, которую теперь и предстояло провести.

— Главная трудность заключалась в том, чтобы собрать Совет, который состоял наполовину из докторов кафедры Макарова и наполовину из докторов нашей кафедры (Молочнов, Пудовкин, Линьков, Яновская - дочь покойного патриарха нашей кафедры Бориса Михайловича Яновского, Шолпо, Аида Андреевна Ковтун - кандидат наук - от парторганизации). Иногородним членом Совета был Распопов - директор ПГИ. Беда вся была в том, что у сотрудников кафедры радиофизики были свои "присутственные дни", когда они являлись в университет, не совпадавшие с присутственными днями геофизиков. К тому же у первых ещё оставались рабочие помещения в Ленинграде, в старом здании НИФИ, и они могли быть либо там, либо в Петергофе.

— Вот собрать членов Совета в одно место мне и нужно было. И опять на помощь пришла Лариска со своим товарищеским энтузиазмом и знанием всех и вся в университете, тем более что она и сама теперь готовилась к защите - созрела для кандидатской наконец-то. Лариса буквально на ходу словила и затащила в кабинет к Макарову Молочнова, Пудовкина, Новикова и ещё двух-трёх членов Совета, которые и провели за пять минут официальное заседание, на котором Новиков ознакомил их с моими документами, после чего Макаров собственноручно начертил на моём заявлении: "Направить на кафедру физики Земли".

— Но рассмотрение на кафедре уже было (причём ещё до секции, которая

рекомендовала меня к защите в ЛГУ, что в общем-то было не по процедуре, но не противоречило здравому смыслу и праву кафедры рассматривать любые работы, какие ей заблагорассудится). Я мог, в принципе, тут же представить в Совет рекомендацию кафедры, чтобы получить окончательное решение о принятии к защите. Но по правилам это можно было сделать только на следующем Совете, заседания которого проходят раз в месяц. Нынешнее, мартовское уже состоялось, так что теперь надо было ждать апрельского.

[\(продолжение следует\)](#)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбакова-любителя"](#)